

О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ (20—40-е гг. XX в.)

Светлана Ивановна ЛАЗАРЕВА,
кандидат исторических наук

Алла Николаевна ШПИЛЁВА,
доцент кафедры культурологии, ВГУЭС

Наибольший интерес для науки представляет наследие первой волны российской эмиграции, ещё недостаточно осмысленное, малознакомое прежде всего для живущих в России и самое значительное по своему объёму и вкладу в мировую культуру — искусство, науку, литературу. Часть культурного наследия российской эмиграции имеет лишь историческую ценность, другая, относящаяся к литературе, философии, искусству, имеет непреходящее значение и продолжает обогащать русскую культуру. Исследование отторгнутых от России пластов культуры, переоценка сложившихся представлений о ней являются актуальными и адекватными реалиям нового времени.

Важная составная культурного наследия — литература русской эмиграции — в течение многих лет в нашей стране находилась под запретом. Однако за последние годы в отечественной науке появились результаты исследований, значительно повлиявшие на представление о творчестве русских писателей-эмигрантов в Китае. В силу своей значимости эта проблематика нуждается в дальнейшей разработке.

Российская эмиграция, оказавшаяся в 20—30-е гг. в Маньчжурии, родилась из политических потрясений в России начала XX в. Однако политические проблемы не являлись главными для беженцев. В первую очередь они были заняты борьбой за выживание на чужбине. Поэтому идейные противники советской власти в среде эмигрантов, как считают некоторые исследователи, были «песчинками в море»¹. По разным источникам активной политической деятельностью занимались от 3 до 5% эмигрантов², основная же часть, в первую очередь интеллигенция, стремилась делом служить Отечеству, не испытывая при этом желания заниматься политикой.

Оказавшись в чужой, незнакомой стране, не зная языка, культуры, обычаев, российские эмигранты не рассматривали себя как группу людей, спасшихся от политических преследований. Наоборот, они хотели ощущать себя полноценной и неотъемлемой частью России. Как нигде, интеллигенция противилась ассимиляции, стремилась поддерживать русский дух и образ мысли. Немалое содействие ей оказали соотечественники, жившие в Маньчжурии в период постройки КВЖД. Эти первые переселенцы сохранили в своей среде прочные традиции культуры и просвещения старой дореволюционной России, научной и благотворительной деятельности и к 1917 г. прочно обосновались в регионе.

По мнению многих исследователей, эмигрантов из России 20—30-х гг. нельзя сравнивать с теми, кто покинул Родину в поисках лучшей доли, какими бы мотивами они не руководствовались. Для них эмиграция стала не только способом физического выживания, но приобрела характер культурной миссии. Определяющим для русской интеллигенции, считавшей себя хранителем и носителем национальной культуры, оставался морально-нравственный стимул поведения, осознание собственной, если не мессианской, то, несомненно, исключительной миссии. Служение «русской идее» понималось ими достаточно широко. Во-первых, они считали своей главной задачей сохранение в изгнании накопленных духовных ценностей, исторической памяти, национального опыта, чтобы не прерывалась связь времён и поколений, сохранилась основа для будущего возрождения России вне зависимости от того, суждено им вернуться домой или умереть на чужбине. Во-вторых, они считали своим долгом познакомить народ страны проживания с достижениями отечественной мысли и культуры в различных областях знаний. Было ещё и желание думать и творить свободно. «Выехавшие из России осознавали себя носителями великой русской культуры, создававшейся веками, — пишет исследователь деятельности эмигрантов П. Е. Ковалевский. — Они хранили её, умножали её, развивали, несли в мир и знакомили с нею другие народы»³. Сама великая культура и русский язык способствовали сохранению в их нелёгкой жизни национального чувства, препятствовали растворению и забвению в чужой среде. «Не будем проклинать изгнание, а будем трудиться во славу будущей России»⁴.

Для эмигрантов культура была важнейшей составной частью их национального самосознания, мироощущения образованного русского человека. Все достижения в литературе, художественном и научном творчестве, отмеченные печатью особой русской индивидуальности, находили выход в рамках таких социальных институтов, как школы, вузы, книги, журналы, театр, церковь. Для продуктивной творческой жизни в изгнании нужны были «производители» и «потребители» культурных ценностей. Эмигранты жаждали читать, смотреть, слушать произведения, созданные представителями русской диаспоры. «Из двух Россией», — пишет Марк Раев, — возникших вследствие политических событий, именно Россия за рубежом, которая проявила твёрдую и недюжинную доблесть, продолжая быть Россией, оказалась более «подлинной» и более продуктивной в культурном отношении»⁵. Культурная жизнь, отмеченная особой духовностью, не затихала ни на один день. Сами трудности (политическое давление, материальные лишения, бытовые и языковые неудобства и многое другое), оказалось, служили стимулом к творческой активности.

Наиболее крупным очагом русской культуры в Маньчжурии был Харбин, где сильнее всего ощущалось влияние русских. Это было вызвано, на наш взгляд, следующими факторами: оторванностью дальневосточной окраины от западных центров, наличием базы культурной общественной жизни, заложенной русскими ещё при строительстве КВЖД, т.е. до 1917 г.; ведущей ролью родного русского языка как средства общения при разнообразном этническом составе этого русско-китайского города; компактностью проживания русских в городе и по всем населённым пунктам линии КВЖД.

С прибытием беженцев из России население Харбина увеличилось до 300 тыс. чел. Город жил насыщенной и содержательной духовной жизнью. Русское население было грамотным, тянулось к культуре. Хорошие материальные

условия привлекали сюда квалифицированные кадры в различные отрасли производства. Харбин играл также важную роль во взаимодействии русской и китайской культур. Общеобразовательные русские и русско-китайские школы, частные гимназии, больницы, русские магазины, названия улиц на русском языке — всё это благотворно воздействовало на русских эмигрантов. Были открыты новые театры, театры оперы и оперетты, создан симфонический оркестр, Высшая музыкальная школа, издавались десятки русских газет, журнал «Рубеж»; пополнилась академическая среда: открылся юридический факультет, политехнический институт и т.д. Находясь в центре многих политических событий, Харбин сумел сохранить свой российский облик, стал средоточием культурной и просветительской деятельности дальневосточного русского зарубежья. Харбин дал уникальную возможность российской высокообразованной интеллигенции, не разделявшей идеалы революции, сохранить классическую русскую культуру с её гуманистическим пафосом и духовно-нравственными ценностями, пронести её через трудные десятилетия, подарить России богатство своей культурной ветви.

Насыщенной и плодотворной была литературная и издательская жизнь русского зарубежья. Здесь жили и работали такие известные поэты и писатели, как Н. Фёдорова, Н. Ильина, В. Перелешин, Д. Бурлюк, Вс. Иванов, Е. Яшнов, С. Алымов, А. Несмелов, и более молодые литераторы-эмигранты — В. Обухов, М. Волин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, Н. Резникова, Г. Сатовский, Б. Юльский, Л. Ещин, Буткевич, Н. Шелухов, О. Скопаченко, В. Янковская, В. Логинов, Е. Рачинская. Некоторое время в Харбине жили и работали писатель Е. Замятин, поэты В. Матвеев, Н. Дворжецкий и др. У каждого из них была своя судьба, но объединяло их одно: они очень тяжело приживались на чужбине, находя утешение в своих произведениях, сохраняя и оберегая русскую культуру в изгнании. Были и другие представители литературы. Описывая тёмные и мрачные стороны местной жизни, подогревая в себе и других ненависть к Китаю и китайцам, они не замечали необыкновенного трудолюбия китайского народа, нелёгкую жизнь и борьбу с угнетателями. Их произведения полны пессимизма, тоски, безысходности и упадничества (Н. Борисов, М. Ершов, М. Щербаков, Л. Астахов, Н. Новицкий, Н. Астахов и др.).

В литературной среде Маньчжурии было много талантливых поэтесс и писательниц, волею судьбы оказавшихся по ту сторону Родины. О многих из них не осталось письменных свидетельств. К счастью, архивные страницы харбинского «Рубежа» сохранили талантливые строки Марианны Колосовой, Виктории Янковской, Ирины Лесной, Ларисы Андерсен и др. Интересна и ярка судьба **Ларисы Андерсен**, поэтессы и танцовщицы восточной ветви русского зарубежья. Ей сейчас 90 лет, живёт во Франции в маленьком городке Иссанжо. Благодаря приморской журналистке Т. Калиберовой, подготовившей к изданию в 2006 г. вторую книгу стихов нашей соотечественницы «Одна на мосту», читатели и исследователи получили возможность познакомиться с творчеством этой незаурядной женщины, «по-русски лиричным и искренним, в то же время пронизанным воздухом Китая»⁶.

Л. Андерсен родилась в Хабаровске накануне Первой мировой войны. С 1920 г. в связи с переводом отца Н.М. Андерсена на новое место службы семья жила во Владивостоке на о-ве Русском. Однако в октябре 1922 г. (ветры революции достигли Дальнего Востока) они вместе с эскадрой контр-адмирала Старка

покинули Владивосток и в силу обстоятельств оказались в Китае. «Вечно куда-то бежали, — писала сама поэтесса. — Так и живу: то убегаю от чего-то, то за чем-то гонюсь»⁷. Семья обосновывается в Харбине, жилось трудно, бытовые условия — самые непритязательные. Окончив гимназию, девушка начала сама зарабатывать на жизнь. Настоящей школой формирования её, как личности, становится литературная студия «Чураевка», организованная поэтом А. Грызовым (Ачаир) и названная в честь писателя Г. Гребенщикова, автора романа-эпопеи «Чураевы».

Первые стихи Л. Андерсен «Колыбельная песенка», «Яблони цветут», «Память о весне» были опубликованы в сборнике «Семеро», вышедшем в Харбине в 1931 г. Она также печаталась в журнале «Рубеж», газете «Чураевка». Творчество Л. Андерсен высоко ценили известные харбинцы-чураевцы Н. Петерец, Ю. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешин, А. Ачаир, В. Гранин, С. Серёгин. Они отмечали глубину, проникновенность и самобытность литературного дара молодой поэтессы. Обходя в своём творчестве политические темы, она передавала своим читателям любовь к природе и сострадание ко всему живому, что её окружало, взыскательно подходила к выбору слова, словно чувствуя, что «именно в слове таится будущее возрождение России»⁸. В 1940 г. уже в Шанхае — городе, с которым связаны последние годы пребывания Л. Андерсен в изгнании, вышла её первая небольшая книжка стихов «По земным лугам», ко второй она вернётся лишь 66 лет спустя.

Кроме стихов у Л. Андерсен было ещё одно страстное увлечение — танцы. Полученные в своё время уроки хореографии, врождённая грация, вкус, талант и обаяние позволили ей добиться успеха и утвердиться на этом поприще. В 1940 г. она стала самой высокооплачиваемой танцовщицей «Парижа Востока» — так в то время нередко называли столицу Китая. Это было её заработком, вдохновением, судьбой. В 1956 г., познакомившись на одном из танцевальных вечеров с представителем французской судоходной компании М. Шезом, Л. Андерсен вышла за него замуж и покинула Китай. Началась новая страница её жизни, связанная благодаря профессии мужа с пребыванием в новых странах, изучением их культуры и традиций, развитием новых граней её таланта.

Марианна Колосова. О её творчестве стало известно в 1968 г., когда поэтессы уже не было в живых. Ю. В. Крузенштерн-Петерец, правнучка великого мореплавателя, некогда харбинская, позже — шанхайская, затем — калифорнийская журналистка, вспоминала в статье «Чураевский питомник», напечатанной в парижском журнале «Возрождение» (№ 204): «Иногда вечера «Чураевки» посещала известная на Дальнем Востоке поэтесса М. Колосова. Только она и Арсений Несмелов «кормились» в Харбине стихами. Колосова, впрочем, кормилась ими впроголодь»⁹. Чаще всего ей удавалось печатать свои стихи в «Рубеже», нередко используя псевдонимы Елена Инсарова, Юржин. И почти в каждом из стихов вопрос между строк: «За что меня лишили Родины?» Она ненавидела большевиков и советскую власть, не скрывала этого чувства в своём творчестве, и потому знала, что дороги назад нет. А вернуться на Родину ей хотелось. В конце Второй мировой войны она предприняла первую и последнюю попытку возвращения — приняла советское подданство, но в 1946 г. после так называемого «Ждановского погрома» (Зощенко, Ахматова) отказалась от него.

Биография М. Колосовой ещё слабо изучена. Родилась она, по некоторым данным, на Алтае, в годы Гражданской войны на какое-то время связала свою судьбу с человеком из иного лагеря — Валерианом Куйбышевым. Пока

не найдены свидетельства того, как и когда Марианна попала в Харбин, предположительно, в 1921 г. О её жизни в Харбине вспоминает единственная ученица, проживавшая в Сан-Франциско в 90-х гг. XX в., Ольга Скопчёнко: «Колосова влачила жалкое существование, жила вдвоём с ещё одной поэтессой в каморке для караульного китайца, за которую надо было платить. Жили голодно, перебивались скудными заработками за случайные уроки, переводы»¹⁰. Тем не менее в 1928 г. в Харбине у Колосовой вышел первый сборник стихов «Армия песен». На чужбине ей удалось издать ещё четыре сборника: 1930 г. — «Господи, спаси Россию!», 1932 г. — «Не покорюсь», 1934 г. — «На звон мечей», 1937 г. — «Медный гул». Само название сборников говорит о том, что поэзия М. Колосовой занимала в литературной жизни Харбина совершенно особое, изолированное место.

В середине 30-х гг. она делает попытку печататься в прояпонском ежемесячнике «Луч Азии», но для этого издания была слишком русской поэтессой. В Харбине Колосова выходит замуж за А. Н. Покровского и в 1935 г. семья переезжает в Шанхай. Чтобы выжить, она открыла для русских эмигрантов платную библиотеку, но это не спасало от нищеты. В 1958 г. она уезжает в Чили, вновь пытается организовать работу библиотеки. В отрыве от Родины она теряет себя как поэтесса. Родина отторгла, а чужбина не приняла и не поняла её. Подтверждением являются слова писателя В. Набокова в интервью корреспонденту журнала «Иностранная литература» в 1995 г.: «Эра эмиграции закончилась во время Второй мировой войны. Старые писатели умерли, русские издатели тоже исчезли, и, что хуже всего, общая атмосфера ссыльной культуры с её великолепием, мощью и чистотой, с её чуткой способностью к отражению жизни рассеялась, оставив горстку русскоязычных изданий с худосочным талантом и провинциальной интонацией»¹¹.

Елена Недельская. Харбинская поэтесса. Родилась в 1912 г. в Ярославле. Детство провела в Самаре, потом — Харбин, замужество. Первые стихи написала в 10 лет будучи учащейся гимназии им. генерала Хорвата. Они сразу же были опубликованы в школьном журнале. «Писать — для меня радость ни с чем не сравнимая», — высказывалась она о себе в «Рубеже»¹². Её любимые поэты — Пушкин, Лермонтов, Блок. Она идеалистка со своей любовью к природе, людям, «душе человеческой». Её стихи искренни, ненадуманно, словно глоток родниковой воды. В 1940 г. в Харбине вышел первый сборник стихов Елены Недельской «У порога», в 1943 г. — второй «Белая роща». В конце 50-х гг. она с мужем уехала из Харбина в Австралию. В 1978 г., за два года до смерти, вышел третий сборник её стихов. Излечиться от ностальгии по Родине Недельская так и не смогла. Свидетельство тому всё её творчество.

Е. Н. Рачинская (Е. Р.). Окончила Харбинский юридический факультет. Начала писать с юношеских лет, печаталась в харбинских газетах, в «Рубеже». В 1937 г. издала сборник рассказов «Джебел Кебир». Любимый поэт — Ф. Тютчев. В своих стихах Рачинская искала совершенство формы, связанной с глубиной творческого замысла и искренностью.

Небольшой анализ «женской ветви» поэзии дальневосточного зарубежья позволяет авторам сделать вывод о том, что поэтессы, несмотря на малочисленность в творческих кругах эмигрантов, оставили заметный след в литературе. В своих художественных исканиях они смогли особенно трепетно передать любовь к Родине, острое чувство тоски по ней и постоянное стремление быть ближе к родной земле. Это веские аргументы в пользу того, чтобы продолжить изу-

чение литературного наследия представительниц русского зарубежья. Многие писатели, художники, композиторы, очутившись в изгнании, в своих мемуарах признавали, что им «действительно не хватает российского пространства, шири воздуха», что их пугает новая, незнакомая среда.

Почти 400 тыс. изгнанников оказались в Китае. Многие из них умерли на чужбине. Другие нашли в себе силы вернуться на Родину. А третьи, осознав крах своих расчётов и иллюзий на скорое возвращение к родным очагам, пришли к пониманию необходимости устраиваться в чужой стране согласно её традициям и условиям быта, не теряя при этом своей культурной и этнической самобытности. Поэтому на протяжении долгих лет предпринимались меры для сохранения национальных традиций и языка в чужеродной среде. Старшему поколению эмигрантов потребовалась большая изобретательность, большой такт, чтобы найти формы образования и воспитания, которые бы позволили новым поколениям, не звавшим России, сохранить к ней духовную привязанность.

Отгремела Гражданская война, пошли на убыль политические страсти, и русская эмиграция уже другими глазами смотрела на советскую Россию. Имя А.С. Пушкина поневоле стало для неё связующим звеном с потерянной Родиной. Зародившийся в 1925 г. в Эстонии День русской культуры, сочетаемый с днём рождения Пушкина (8 июня), уже в 1926 г. отмечался в 20 странах. Для российских эмигрантов, развезенных по всему свету войной, он был духовной потребностью, напоминанием, что они русские. Русские прихожане шли в церкви, объединённые чувством братского родства, трудности забывались, переполняла гордость за принадлежность к земле, которую так неповторимо воспел великий поэт. Бывшая эмигрантка Е. Таскина вспоминает: «Несмотря на скудный бюджет организаторов и трудное материальное положение большинства эмигрантов, День русской культуры неизменно отмечался в торжественной волнующей обстановке, напоминая россиянам об их принадлежности к волнующей русской культуре. После выступления лидеров эмиграции устраивались концерты, на которых звучала русская музыка, исполнялись народные русские песни и танцы, в перерывах проводились конкурсы и благотворительная лотерея»¹³.

В Китае с годами пушкинский праздник стал не только национальным русским, но и знаменательным событием в культурной жизни китайцев, так как пушкинские строки находили отклик и в их сердцах. Этому весьма способствовали китайские переводчики, а также то обстоятельство, что в качестве зрителей, а нередко и непосредственных исполнителей музыкальных и театральных представлений активно участвовали китайская общественность и население¹⁴.

Подводя некоторые итоги исследуемой темы, можно сделать вывод: русская культура восточного зарубежья, прежде всего литература, стала формой выражения русского культурного идеала, получившего всемирное признание. В эмиграции литература приобрела существенное значение для сохранения её национальных особенностей, поскольку богатый русский язык и образная речь являли признаки принадлежности к великой нации. Русское слово, устное и печатное, связывало изгнанников между собой.

Конечно, литературная жизнь в Харбине, Шанхае, Даляне, Мукдене, Тяньцзине оказалась менее организованной, чем в Париже или Праге. Но русские поэты и писатели в изгнании формировали и поддерживали различные союзы, комитеты, творческие союзы и кружки, в том числе было открыто Восточное отделение Союза русских писателей и журналистов.

Как и вся русская эмиграция, её литературная общественность была идейно неоднородна. Одни лояльно относились к советской власти, объясняли своё изгнание досадной случайностью и стремились вернуться на Родину (Вс. Иванов, Л. Хаиндрова), другие разделяли цели Белого движения и ненавидели коммунистов (Б. Юльский, М. Колосова), третьи сторонились политики (А. Несмелов, В. Перелешин, М.В. Щербаков, Е.Е. Яшнов). Верные офицерской чести, обладавшие врождённой интеллигентностью последние были русскими поэтами-патриотами, любящими Россию. Занимаясь творчеством в тяжёлых материальных и моральных условиях, испытывая повседневный идеологический прессинг, особенно в условиях японской экспансии в Китае 30-х гг., лучшие представители дальневосточной диаспоры сохранили традиции и национальную культуру — неотъемлемую часть общей российской истории и культуры.

Перед современными исследователями стоит непростая задача: восполнить пробел в истории русской литературы XX в., вернуть на Родину литературное наследие дальневосточной эмиграции, чтобы русская национальная литература обрела характер целостности, а поколения читателей познакомились с произведениями авторов, оказавшихся волей судьбы вне России, но навсегда сохранивших духовную связь с ней.

¹ Квакин А.В. Общее и особенное в положении русской диаспоры первой волны. Тверь, 1992; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М., 1994, и др.

² Боханов Е. Такая разная эта эмиграция // Книжное обозрение. 1993. № 36. С. 12.

³ Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 5, 6.

⁴ История российской интеллигенции: Материалы и тезисы научной конференции. М., 1995. С. 21, 22.

⁵ Раев М. Указ. соч. С. 16.

⁶ Андерсен Л.Н. Одна на мосту. М.: Русский путь. Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. С. 20.

⁷ Великая Маньчжурская империя: (К 10-му юбилею). Харбин, 1942. С. 358, 359.

⁸ Андерсен Л.Н. Указ. соч. С. 25.

⁹ Рубеж. Владивосток, 1995. № 2. С. 214, 215.

¹⁰ Там же.

¹¹ Иностранная литература. М., 1995. № 11. С. 125.

¹² Рубеж. Харбин, 1940. № 24. С. 6.

¹³ Русский эмигрантский альманах «Россия». Шанхай, 1926. С. 150.

¹⁴ Лебедева Н.А. Пушкин в Китае // Россия и АТР. Владивосток, 1999. № 2. С. 66—69.

SUMMARY: Candidate of Historical Sciences of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences Svetlana I. Lazareva and an Assistant Professor of the Chair of Culture Study of Vladivostok State University of Economic and Service Alla N. Shpilyova are the authors of the article “About literary heritage of the Russian emigration in China (20–40s of the 20th c.)” that elucidate a new stage in the development of charity and public assistance in the Far East in the situation when essential changes in economic, social and cultural fields of Russian society occurred in the beginning of 20th c. required new approaches to solution of big amount of social problems arisen. Not only universal traits of charity typical for European part of Russia, but also its’ features specific for Far Eastern region are considered, ways of solution of social problems arisen on a new stage in the beginning of 20th c. are revealed in this work.